

Проблема маргинализации диалога

Статья сфокусирована на проблемах современной диалогической речи. Генезис этих проблем связывается с теми периодами в истории языка, когда диалог в публичной речи занимал маргинальное положение или существовал в виде псевдиалога. Основная гипотеза состоит в том, что проблемы возникают тогда, когда культивируются исключительно жанры эпидейктического красноречия, обслуживающие вертикальные связи, а общественным горизонтальным связям не уделяется внимание. Критичным был для истории русского языка древний период, а затем период тоталитарной пропаганды. Разрушительное действие пропаганды касается не столько картины мира, сколько коммуникативных практик. Главными проблемами признаются лингвистический цинизм, уход от аргументации и низкая ценность самого диалога.

Ключевые слова: диалог, полемические жанры риторики, неполемические жанры риторики

1. Риторическое прочтение «низового мира»

Историки литературы всесторонне изучили феномен появления во второй половине семнадцатого века того, что они называли демократической сатирой. Полемизируя с известным русским историком Иваном Егоровичем Забелиным, считавшим допетровский смех простым глумлением, Варвара Павловна Адрианова-Перетц подчеркивает в этом смехе именно элемент сатиры и даже говорит о классовой борьбе.¹ Однако под влиянием идей Бахтина и легализации семиотики возобладала точка зрения, представленная в трудах Ю.М. Лотмана², Д.С. Лихачева³, Д.С. Панченко⁴ и других ученых. Древнерусский смех стал рассматриваться как особое явление, связанное с изображением перевернутого мира, таившегося за ширмой официальной культуры с ее «упорядоченными знаками». Смеху этому свойственна амбивалентность, направленность не только на объект, условно говоря, сатиры, но и на самого смеющегося, что отмечал уже Михаил Бахтин.⁵ Вместе со смехом и наряду со смехом в тот же исторический период в письменную словесность пришла бытовая повесть с ее жанровыми сценками, сниженным стилем и диалогами.⁶

Для историков литературы важно было показать развитие жанровой системы, обогащение тематики, усиление личностного начала, обмирщение литературы и т.п. Но для нас важно другое. Все эти новые для письменной речи явления пришли в нее из теневого, неофициального мира. В мире официальном, где господствовали «правильные» знаки, письменная словесность была скроена по лекалам торжественного красноречия. Слово «торжественное» здесь следует понимать исходя из трихотомии Аристотеля, для которого делом торжественного красноречия было хвалить и порицать.⁷ Для нас главное свойство торжественного (эпидейктического) красноречия – то, что отличает его от полемических форм риторики – судебного и совещательного красноречия. Торжественное красноречие прежде всего неполемично, адискурсивно⁸, степень же его приподнятости может быть разной. Меньше приподнятости в жанрах дидактических. Поэтому применительно к древнерусской литературе используется формула «торжественное и учительное красноречие».

Если говорить об истоках русского красноречия, то первоначально оно было исключительно торжественным. И.П. Еремин говорит о двух его формах – «эпидиктической» и «дидактической».⁹ В наших терминах и то и другое есть красноречие эпидейктическое, торжественное, ибо и то и другое адискурсивно и противостоит совещательным и судебным речам. Это и есть «торжественное (собственно эпидейктическое) и учительное красноречие».

В обеих разновидностях торжественное красноречие сразу же достигло больших высот. Таким образом, те убеждающие речи, которые относились к слову, зафиксированному письменно, были зоной культивированного, отшлифованного языка. Это культивированное слово оставалось монологичным на протяжении веков. Высокая словесная культура и монолог существовали вместе. Диалог все это время жил в «низовом мире».

Поясню свою мысль примером. Среди сатирических повестей XVII века есть «Повесть о Шемякином суде». Суды происходили и до XVII века. Но мы не знаем положительных образцов судебной речи. Первые такие образцы появляются лишь во времена П.А. Александрова и А.И. Урусова – первых судебных ораторов пореформенной России. Мы также не знаем положительных пословиц о суде. Мне случалось проводить сопоставительный анализ русских пословиц с немецкими, причем этот заказ преследовал практические цели.¹⁰ Проповедь и поучение – жанры, регламентирующие вертикальные отношения в обществе – достигли высот уже в Киевский период. «Слово о законе и благодати» Илариона или «Поучение» Владимира Мономаха несопоставимы по красоте и обработанности с памятни-

ками делового письма. Но даже и в деловых памятниках нет настоящего диалога. Однако люди каким-то образом убеждали друг друга, договаривались друг с другом. Диалог, таким образом, существовал в некультуренном поле. И можно только гадать, как протекали речи, выражающие не вертикальные, а горизонтальные общественные отношения.

Можно привести более свежий пример на ту же тему. Официально-деловой стиль, как его понимает сегодняшняя функциональная стилистика, не блещет красотами, но он упорядочен и отшлифован, в нем, как говорят стилисты, нет ничего лишнего, даже эмоций и экспрессии.¹¹ Достаточно вспомнить, как выглядит заявление о приеме на работу. Однако там, где реально решается вопрос о приеме на работу, где происходит диалог, есть и эмоции, и образы, а вот стилистической стройности нет. Во многих случаях мы встретим там общенную лексику, неоконченные фразы, проявления просторечия и косноязычия. А заявление только заключительный протокольный момент. Принятая сегодня при приеме на работу система собеседований, хотя и вызывает гримасу на лице постсоветского интеллигента, однако является большим шагом к окультуриванию диалога между работником и работодателем. Эта система, тоже, разумеется, несовершенная, пришла из тех краев, где диалог как раз культивировался.

«Когда русский читает старые католические книги по моральной теологии, его поражает, как подробно там оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты, не подлежащие разглашению под страхом греха, и тому подобные загородки вокруг территории индивидуального существования, и насколько часто там употребляется одно важнейшее, привычное для нас отнюдь не в сакральных контекстах слово: “договор”», – пишет академик С.С. Аверинцев.¹² Диалог при таком миропонимании не может представлять собой высокой ценности, он воистину «не сакрален». Несколькоми строчками ниже приведенной цитаты Аверинцев пишет, что Достоевский ненавидел дух контракта, считая, что поддавшись этому духу, Запад отступил от христианства. Закономерно, что тот же Достоевский, страстно веривший в силу нравственной проповеди, отрицательно относился к новому демократическому институту – суду присяжных. Таково же отношение к этому институту Толстого. Зачем допускать лукавое судоговорение, когда можно сказать прочувственное слово правды? Веками диалог жил в «низовом мире» и ассоциировался с корыстными интересами, в то время как монолог мог предоставить читателю захватывающие своей красотой образцы бескорыстной речи, «стояния в слове» перед лицом Бога.

Казалось бы, Михаил Бахтин с его «диалогизмом» должен был относиться к полемическому красноречию иначе. Но это не так, Бахтин, как известно, не любил риторiku, и все попытки современных исследователей примирить с ней Бахтина, из которых самая серьезная работа, по-видимому, статья J. Murphy¹³, разбиваются о теорию карнавала. Риторика, по Бахтину, равна монологу и получает оправдание только в том случае, когда она пародирует сама себя, пародирует монолог в праздничном словесном действе, которое, как и всякий праздник, есть торжественное красноречие, в данном случае вывернутое наизнанку.

Таким образом, полемические формы риторики не были окультурены и отразились в письменной литературе лишь в сниженном виде. Сама же полемика не была сколько-нибудь значительной ценностью. Причем реликты такого отношения сохранялись долго. Окультуривание полемической риторики произошло лишь в девятнадцатом веке. А уже в двадцатом веке эта риторика столкнулась с новыми вызовами, о которых речь ниже.

В заключение этой части статьи, поневоле скорее филологической, чем узко лингвистической, остается сказать несколько слов о полемике шестнадцатого века, отразившейся в письменной речи. Слово «полемика» употребляется по отношению к шестнадцатому веку в связи со спором иосифлян с нестяжателями, с перепиской Андрея Курбского с Иваном Грозным, с появлением публицистики вроде утопии Ивана Пересветова, а после шестнадцатого века в связи с агитацией времен смуты. Безусловно, имеет отношение к риторике и «Повесть об Азовском осадном сидении». Однако все эти явления можно было бы назвать скорее «протополемикой», и никаких заметных культурных образцов ведения спора они нам не оставили. Даже знаменитая переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным укладывается в рамки того, что Аверинцев называл взаимным анафематствованием. В этой переписке интересно то, что авторы, особенно Курбский, ориентировались на неполемическую риторiku. А Иван Грозный – отчасти и на «антириторiku» низового мира. Так, подхватывая «чужое слово», он обесмысливал его на «карнавальном» лад. Курбский пишет высоким слогом о том, что Иван церковные пороги обогрил кровью, а царь Иван отвечает, что не только пороги, но и внутреннее убранство церковей он украшал.

Демократическая сатира и бытовая повесть второй половины семнадцатого века помогают нам понять статус диалога в тогдашней словесности. Более того, они помогают нам понять, что происходит с теми зонами социальной коммуникации, которые не считаются ценными, не подвергаются риторической обработке и не создают положительных речевых образцов.

2. Пролонгированное действие пропаганды

Осмысление тоталитарной пропаганды в отечественной и зарубежной научной литературе совпало с бурным развитием когнитивного направления. И это, на мой взгляд, дало спрямленное представление о «языке власти» и «власти языка». В этом представлении когнитивный момент оказался преувеличенным, а коммуникативный – преуменьшенным.

Как известно, начало этому осмыслению положила модель тоталитарного общества, воспроизведенная в утопии Джорджа Оруэлла «1984». Причем внимание лингвистов привлек не столько сам роман, сколько приложение к нему – словарь. Меж тем в тексте «1984», как и в «Animal Farm» того же автора, а также в его радиообращениях содержатся мысли, мимо которых лингвисту проходить не следует. Речь идет о коммуникативных практиках тоталитарного общества.

Я не буду подробно останавливаться на том, что считаю преувеличенным во влиянии языка на социальное поведение людей и особенно в том, что касается роли метафоры, которая после известной работы Лакоффа и Джонсона¹⁴ и других работ Джорджа Лакоффа¹⁵ приобрела в гуманитаристике воистину монструозные черты. Я уже неоднократно писал и выступал на эту тему. Отсылая читателей к своей собственной работе¹⁶, я позволю себе процитировать из нее несколько вопросов, которыми она открывается и которые сразу ориентируют читателя в том, о чем идет речь.

«1. Is there a difference in dependence of a person on situation “it is a way of speaking” and “it is a way of thinking”?»

2. In what cases do we speak of persuasion and when of manipulation in relation to metaphors?

3. In totalitarian propaganda why does a broadly used cognitive metaphor lose its role of the social guide and turns into “duckspeak” (to use Orwell’s term)?».

Обратимся к другой стороне дела – к коммуникативной. Рассмотрим феномен вынужденного цитирования. В советское время в научные работы, особенно в монографии, включались цитаты из классиков марксизма. Мало кто делал это охотно, но еще меньше было тех, кто делал это осознанно и уместно в связи с развитием интеллектуального сюжета. У Оруэлла этот феномен связан с так называемой позитивной цензурой: «Totalitarianism has abolished freedom of thought ... And it is important to realize that its control of thought is not only negative, but positive. It not only forbids you to express – even to think – certain thoughts, but it dictates what you shall think...».¹⁷

Отметим, что в художественном творчестве позитивная цензура действовала гораздо разрушительней, чем в случае научного цитирования. Разрушительно действовала она и в справочной литературе, превращая ее в агитку. Во всем этом мы видим не столько роль языковой или когнитивной картины мира, сколько устройство коммуникации в тоталитарном государстве.

К концу советского периода мы наблюдали заслуженное или незаслуженное обращение огромной идеологической машины в сплошной карнавал – предмет шуток, анекдотов, школьных пародий. Причем в этом карнавале имелся полный спектр юмора – от сознательной и едкой сатиры до абсурда и «народной смеховой культуры», о чем речь пойдет ниже.

А что произошло с коммуникативными привычками, с дискурсивными практиками, погруженными в жизнь? Например, привычка цитировать «не по делу» притупляет навыки правильного чтения текста. Мы не ждем от автора логической связности, теряем чувствительность к эклектике. Мы, кроме того, «не видим ничего страшного» в конъюнктурной цитате, на этот раз не из Маркса, а из модного автора или председателя диссертационного совета. Нам даже кажется, что так было всегда, еще во времена Потемкина, что, разумеется, абсурдно.

Массированная и долго длящаяся пропаганда наносит вред культуре не столько тем, что она внушает «неправильное» мировоззрение, сколько глубоким вмешательством в коммуникативные процессы. Ее внушения легко пересмотреть критически. И этот пересмотр начался уже тогда, когда еще силен был контроль над официальным словом. Он начался в «низовом мире». Опыт показывает, что пролонгированное действие пропаганды на культуру связано с коммуникативной перестройкой общества, вовлеченного в пропаганду. Результат этого воздействия никто не планировал, и оно не соответствует задачам, которые ставила перед собой пропаганда. Результатом оказывается чистая деструкция как следствие слишком активного и одностороннего вмешательства в сферу языка и культуры. Сначала попробуем ответить на вопрос, почему так происходит, а потом уже разберем факты тех ощутимых сегодня разрушений, которые принесли с собой семьдесят лет пропаганды.

С точки зрения риторики пропаганда есть совокупность активно внедряемых адискурсивных практик. Это поток всевозможных жанров эпидейктического красноречия, куда входят политическая проповедь, дидактические жанры («политграмота»), неременная эвлогия (восхваление «достижений») и панегирик вождю, что не является простой прихотью, но предопределено логикой эпидейктической

речи).¹⁸ Сюда также относятся многочисленные проклятия в адрес врагов. При этом пропаганда не вступает в полемику. Она никогда не обращается к оппоненту, но предпочитает рисовать карикатуру на него, обращаясь к «массе». Известные обороты вроде «не читал, но протестую» вполне в логике такого рода коммуникации. Читать врага такой же абсурд, как спрашивать у Плюшкина, что он думает о Гоголе. У оппонента пропаганды иной онтологический статус, он не может быть собеседником.

Именно в такой ситуации мы и наблюдали массовое овладение правилами построения эпидейктических речей. Митрополитов Иларионов не появилось, но практически каждый мог выступить на собрании, соблюдая заданный канон. Иное дело – живой диалог. Разговор между собой. Школа этому не учила. Недостижимый идеал «Табели о рангах» – «чин чина почитай» – работает только под контролем. Живой диалог снова начал дрейфовать «вниз».

3. Лингвистический цинизм как следствие «постановочных диалогов»

Тоталитаризм даже в худшие свои годы все-таки отличался от антиутопии Оруэлла, и сползание диалога «вниз» не носило тотального характера. В отличие от средних веков площадки для полемики существовали. Существовали и высокие образцы академической полемики, и даже судебного спора (речь, конечно, не идет о показательных процессах, не выходявших за рамки эпидейктического красноречия). Тем не менее существовали и ритуализированные формы диалога и альтернативный им – а в некоторых сферах он и не мог быть другим – неокультуренный диалог. О распространенности последнего мы получили возможность судить *post factum*, когда он вышел из тени и попал в СМИ.

Криминализация языка не была исключительным плодом «дикого капитализма». Этот дискурс уже существовал. Исследователи плановой экономики показали, что наряду с планом успешно функционировал административный рынок товаров и услуг, на сленге – «блат».¹⁹ Этот рынок состоял в выстраивании неформальных горизонтальных отношений, так как вертикальные отношения, заданные планом, не справлялись с хозяйственной логистикой. Этому процессу в точности соответствовали процессы, происходившие в языке. Теневую экономику обслуживал теновый язык, серьезным образом до сих пор не изученный. Непубличные, неформальные, наполовину или прямо запрещенные контакты породили теневую

риторику. Она не могла быть свободой от криминализации, сниженного стиля, цинизма.

Но если теневого язык «блата» с «наведением конов» и прочими подобными вещами не походил на средневековый язык «низового мира» и был ориентирован прагматически, то обнаружившийся сразу после отмены цензуры «стеб» как раз и был примером средневековой смеховой культуры в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Стеб порожден не практическими нуждами «блат-мейстеров», а является следствием разложения языка советской пропаганды. Те, кто понял его как простую карикатуру на «совок», сильно просчитались в оценке его долголетия. Он не был сознательной карикатурой, как понимают его некоторые лингвисты²⁰, но был незапланированным следствием коммуникативных практик и не обязан был прекращаться вместе с их прекращением. Главное в этом «стебовом» виде юмора, с моей точки зрения, его амбивалентность, недодуманность. Когда студент, бездумно искажая цитату, говорил: «Битие определяет сознание», – он отчасти смеялся над собой, отчасти над цитатой. Когда студент, проходя в буфет мимо известной картины, где Ленин утешает мать, говорил: «Мы пойдем другим путем», – он просто реагировал на навязчивую цитату. Привычка бездумно и комически воспринимать навязанные формулы сохранилась надолго. Когда В.П. Григорьев²¹ в шестидесятых отмечал «шаронимический взрыв» в поэзии, это было началом мощного процесса, выходящего за пределы поэзии. Каламбурили все – от бардов до авторов заголовков «Комсомольской правды». Никогда до этого не отмечалось такой любви к тому, что лингвисты называли в это время «деформацией идиомы». В девяностые исчезли всякие сдерживающие преграды, а нажитая привычка к бездумной никак не соотносимой с нравственной позицией насмешке осталась. Это и был лингвистический цинизм, который именно тогда привлек к себе внимание русистов.²²

В сущности, имело место любопытнейшее явление – обратное влияние коммуникации на когнитивные структуры сознания. Не картина мира реализовалась в поведении, а коммуникативное поведение сформировало картину мира.

4. «Приватизация» авторитарного монолога

Семидесятилетняя монополия на слово и сверхактивная и затяжная пропаганда породили не только жаргонизацию диалога и разрушение системы функциональных стилей. Сразу после пере-

стройки в свободной полемике обнаружилась еще одна черта – неспособность слышать собеседника, подмена диалога монологом. А виртуализация общения с сопутствующим ей эгоцентризмом только усилила эту черту.

Типичный «обмен мнениями» в постах социальных сетей выглядит сегодня не как полемика, а как не всегда скрытое желание заставить партнера замолчать. Для этого широко используется то, что в риторике называется стасисом отвода. В судебной риторике этот четвертый и последний стасис применялся уже после того, как невозможно было опровергнуть факты, оспорить то, что факты эти означают нарушение закона и нет оправдательных мотивов этого нарушения. Стасис отвода заключался в выражении сомнения в том, что данный судья может объективно судить о деле. Но даже в этом последнем случае стасис не мог использоваться без должной причины. Я, например, не имею права отклонить личность судьи на том основании, что он изменяет жене. Иное дело, я могу усомниться в его справедливости, если он уже был уличен в несправедливости и имеет заинтересованность в деле. Об этом очень подробно рассуждает Дуглас Р. Уолтон²³, называя четвертый стасис риторики «аргументом к человеку».

В отечественной практике часто встречается одна и та же ситуация. Некто высказывает аргументы, скажем, за или против военных действий в Сирии. Оппонент игнорирует аргументы и сразу переходит к личности аргументирующего. Он может просто оскорбить его или в самом корректном случае усомниться в его компетентности на том, скажем, основании, что тот пропустил запятую. Аргументация, как, впрочем, и сама Сирия, забыты. Один сказал – другой заткнул ему рот. Разумеется, может последовать ответная реакция, но она уже не будет лежать в аргументативном поле. Скорее всего спор завершится обменом ярлыками: «вата» – «либераст».

Любопытно, что тренинги по риторике дрейфуют в эту же сторону. Словосочетание «жесткие переговоры» (название показательного мастер-класса Владимира Соловьева) говорит само за себя. «Бог» переговоров, как называют Соловьева, просто старается заткнуть рот своему партнеру, что, действительно, возможно с позиции силы, но абсолютно бессмысленно в случае паритетных отношений: продавцу, например, не следует кричать на покупателя, если он предполагает сбить товар. О том, что это, мягко говоря, не лучшая тактика, когда сила и власть не на твоей стороне, говорить не приходится. Шоумены – предельный случай. Но такой успешный тренер, как Владислав Гандапас, учит, что говорящий должен выбирать позицию альфа-самца. В принципе можно было бы сразу посоветовать выбрать позицию победителя в споре. Если снабдить каждого гово-

рящего репрессивным аппаратом, которым располагает тоталитарная власть, стратегия на подавление оппонента, безусловно, даст положительный результат.

Особенно показательным является сегодняшнее отношение к риторической инвенции. Тренеры и коучеры даже не знают, что это такое. Их задача вселить в клиента уверенность. В бизнесе, где поневоле приходится считаться с мнением партнера, тренинги, напротив, направлены на инвенцию, хотя, разумеется, без упоминания этого названия. Как правило, изобретатели тренингов просто идут от практики. Но «мозговой штурм»²⁴, «карты мнений»²⁵ и даже тренинг «шести шляп»²⁶ работают именно в поле риторической инвенции. Вузовская риторика по традиции обращается к инвенции, но при этом чувствует свою оторванность от живой практики. Так, предлагаемые систематизации общих мест имеют мало отношения к задачам, которые возникают в мире убеждающих речей. Это, разумеется, тема отдельной статьи.

Дело, однако, не в плохих учебниках и недобросовестных тренерах. Дело в самих учениках. Умение говорить с должной аргументацией так же мало востребовано, как и умение говорить красиво. Если даже юристы собирают в 2017 году форум²⁷, на котором обсуждается вопрос, нужна ли юристам риторика (ведь сегодня в судах мало говорят, в основном имеют дело с документами), то что говорить об обычном студенте. Если тебе пообещают, что ты будешь с уверенностью говорить все что угодно, ты еще послушаешь такую лекцию. Но если тебя будут учить говорить аргументированно и тем более красиво, ты вправе спросить: а зачем? Ведь тебя тут же заставят замолчать в ходе «жестких переговоров».

Самое тяжелое последствие разрушительного действия пропаганды, последнее которое никем не планировалось, состоит в отсутствии стимулов к овладению речевыми компетенциями, к овладению культурой речи и тем более риторической культурой.

Та функциональная неграмотность, которая сегодня пугает многих,²⁸ есть неграмотность риторическая. В МГУ на факультете журналистики не так давно (12-13 октября 2016 г.) проводилась конференция «Учимся говорить по-русски».²⁹ Это актуально. Но что такое говорить по-русски?

Говорить по-русски – значит владеть всем жанровым репертуаром русской речи, для чего знание орфографии и пунктуации, конечно, необходимо, но недостаточно. Риторика веками занималась окультуриванием речевых жанров. На заре русской культуры окультуривание эпидейктических жанров дало богатый плод. Социальной проекцией этого плода была консолидация народа и признание норм христианской этики. Окультуривание судебного и совещательного

красноречия дало речи известных судебных и думских ораторов. Его социальной проекцией стало становление гражданского общества, которому в условиях первой мировой войны и массовой неграмотности не хватило времени упрочиться. Пропаганда, безусловно, вещь необходимая в военное или переходное время. Но семьдесят лет – беспрецедентный срок для пропагандистской кампании в условиях монополии на слово и тотального проникновения «агитки» в несвойственные ей сферы. Это отбросило полемическую культуру назад. А когда система рухнула, то обрушилась и культура эпидейктических речей. Сегодня нам так же не дается торжественное слово, как и умение вести аргументированный спор. Это и есть функциональная неграмотность.

Конечно, названные дисфункции не тотальны и, что еще важнее и утешительнее, не фатальны. Но есть серьезные проблемы, и нужно выработать реалистичные подходы к их решению. Здесь есть и зона ответственности русистов.

Примечания

- ¹ *Адрианова-Перетц В.П.* У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. М., Наука, 1977. С. 108-109.
- ² *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы в типологии русской культуры XI-XII веков // *Лотман Ю.М.* Труды по знаковым системам. Тарту, 1970.
- ³ *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 1997.
- ⁴ *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех Древней Руси. Л., 1984.
- ⁵ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 15.
- ⁶ История русской литературы X-XVII веков. М., Просвещение, 1980.
- ⁷ *Аристотель.* Риторика // Античные риторика. М.: Изд-во Московского университета, 1978. С. 24-25.
- ⁸ *Kopperschmidt J.* Zwischen Affirmation und Subversion. Einleitende Bemerkungen zur Theorie und Rhetorik des Festes // Fest und Festrhetorik. Zu Theorie, Geschichte und Praxis der Epideiktik / Hg. von H. Schanze. Munchen, 1999. S. 14.
- ⁹ *Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. С. 65.
- ¹⁰ Об исследовании «Царь» и «Суд» в концептосфере русского языка» рассказывалось в статье: *Хазазеров Г.Г.* Во дни сомнений... (прислушаемся к свидетельствам русского языка) // Знамя. 1999. № 3. То же: URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/3/hazager.html/> (дата обращения 01.11.2017).
- ¹¹ *Дускаева Л.Р., Протопова О.В.* Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006. С. 273-274.

- ¹² *Аверинцев С.С.* Христианский аристотелизм и проблемы современной России // *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 326.
- ¹³ *Murphy J.* Mikhail Bakhtin and the rhetorical tradition // *Quarterly Journal of speech*. Vol. 87, No 3. pp. 259-277.
- ¹⁴ *Lakoff, G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1988.
- ¹⁵ *Lakoff, G.* *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. Andrew* (2nd edition), 1992, Cambridge University Press.
- ¹⁶ *Хазагеров Г.Г.* On Monstrosity of Metaphor in Cognitive Paradigm // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2016, № 2. С. 91-101.
- ¹⁷ *Orwell G.* Literature of Totalitarianism // *George Orwell's Library*. URL: http://www.orwell.ru/library/articles/totalitarianism/english/e_lat (дата обращения 01.11.2017)
- ¹⁸ *Khazagerov G.* From revolution rhetoric to eulogy on an autocrat: logic and sources: Thesis // *BASEES Annual Conference 2017*. URL <http://suzy-howes.co.uk/basees2017/abstracts/Khazagerov.pdf> (дата обращения 01.11.2017).
- ¹⁹ *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки в ССР и России. М., ОГИ, 2006. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80871710> (дата обращения 01.11.2017).
- ²⁰ *Дубин Б.В.* Кружковый стёб и массовые коммуникации: к социологии культурного перехода // *Déjà vu: энциклопедия культур*. URL: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html> (дата обращения 01.11.2017).
- ²¹ *Григорьев В.П.* Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. 343 с.
- ²² *Сквородников А.П.* К определению термина «лингвоцинизм» // *Мир русского слова*. 2014. № 3. С. 49-54.
- ²³ *Уолтон Д.* Аргументы ad hominem. М., 2002.
- ²⁴ См. статью: Мозговой штурм и этапы проведения // *LiCO – тренинговая и консалтинговая компания*. URL: http://lico.ru/o_kompanii/stati/razvitie_personala/mozgovo_j_shturm_etapy_provedeniya/ (дата обращения 01.11.2017).
- ²⁵ *Mind mapping training // iMindMap 10: Training Courses by Tony Buzan*. URL: <https://imindmap.com/training/mind-mapping/> (дата обращения 01.11.2017).
- ²⁶ *Метод Эдуардо де Боно «Шесть шляп» // За Белым Кроликом : Психологический портал*. URL: <http://psy-sait.ru/treningi/kreativnye-metodiki/100-metod-jeduarda-de-bono-lshest-shljapr.html> (дата обращения 01.11.2017).
- ²⁷ Сессия. Публичное слово как инструмент социального права. Российское ораторское искусство 100 лет спустя. 1017-2017 // *Юридический форум России: XIII ежегодный деловой форум*. URL: <https://events.vedomosti.ru/events/urbiz17> (дата обращения 01.11.2017).
- ²⁸ *Жукова Т.* Функциональная неграмотность – чума XXI века // *Независимая газета*. 10.03.2006.
- ²⁹ *Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ*. URL: <http://rusacademedu.ru/news/sostoyalas-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-uchimsya-govorit-po-russki-problemy-sovremennogo-yazyka-v-elektronnyx-smi/> (дата обращения 01.11.2017).